

ВОСПРИЯТИЕ СОЦИАЛЬНО-КРИМИНАЛЬНОГО РОМАНА У. ГОДВИНА «КАЛЕБ ВИЛЬЯМС» В РОССИИ 1830–1860-х гг.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (тема: «Интертекстуальность текстов различных функциональных стилей в сравнительно-переводческом аспекте»; Соглашение № 14.В37.21.0094).

Проанализированы отзывы русской критики о социально-криминальном романе У. Годвина «Калеб Вильямс», на основе чего выявлены два этапа восприятия творчества английского писателя, каждый из которых отличался своеобразием и определялся потребностями русской словесности. Если в конце 1830-х гг. внимание критики фокусировалось на сюжетостроении, проблематике и характерологии романа (при этом остались до конца непонятыми некоторые его художественные элементы), то в 1860-х гг. наблюдается более осознанное и непосредственное восприятие английского произведения, проявившееся в его критическом осмыслении и влиянии на творчество русских писателей (таких как Ф.М. Достоевский и Н.Г. Чернышевский), воспринявших и интерпретировавших в своих сочинениях идеи и методы, разработанные Годвином в «Калебе Вильямсе».

Ключевые слова: социально-криминальный роман; восприятие; типологические схождения; русская критика.

У. Годвин (1756–1836) – английский писатель и философ, чей роман «Вещи как они есть, или Приключения Калеба Вильямса», написанный в 1794 г., заложил, по сути, основы для последующего развития жанра социально-криминального, а затем и детективного романа не только в Англии, но и за рубежом. Каноны данной жанровой модификации позже активно использовались авторами ньюгейтских и сенсационных романов и, прежде всего, это сюжетная модель классического криминального романа: преступление – его раскрытие – наказание. Здесь же сложилась жанровая система героев: преступник – сыщик – судья. В связи с этим рассмотрение его рецепции в России очень важно, так как, по сути, она открывает богатую и плодотворную историю восприятия этой жанровой разновидности романа русской литературой XIX в.

Несмотря на обширный материал и разнообразные точки зрения критиков, отзывавшихся на переведенный в 1838 г. роман У. Годвина «Калеб Вильямс», этот литературный ресурс остается не изученным в российском литературоведении. Исключение составляет обзорная статья М.П. Алексеева «Вильям Годвин» [1], где исследователь довольно кратко анализирует опубликованные за данный период отзывы на английское произведение. Тем не менее вопрос рецепции романа Годвина требует более детального рассмотрения с точки зрения восприятия его жанровых особенностей, формирования критериев критики перевода, а также влияния качества перевода на процесс восприятия иноязычного произведения.

Первую страницу истории рецепции социально-криминального романа У. Годвина «Калеб Вильямс» в России открыл сам переводчик в 1838 г., предварив свой перевод предисловием, в котором объяснил сложность и особенности текста и характеров романа, встретившиеся ему в процессе работы над текстом. Одной из основных трудностей перевода он называет проблему передачи стиля произведения: «Не мне ценить, до какой степени я ослабил в своем переводе качества стиля Годвинова: необыкновенную краткость, яркость и силу. Для того, чтобы вполне передать Годвина, нужно быть другим Годвином: может быть, его передать труднее, нежели всякого другого прозаического писателя» [2. С. 1]. В данном случае концепция переводчика «Калеба Вильямса» перекликается с

принципами, выдвинутыми В.Г. Белинским в статье «Гамлет, принц датский. Соч. Виллиама Шекспира. Перевод с английского Николая Полевого», где он писал: «Правило для перевода художественных произведений одно – передать дух переводимого произведения, чего нельзя сделать иначе, как передавши его на русский язык так, как бы написал его по-русски сам автор, если бы он был русским» [3. С. 427].

Именно переводчик смог проникнуться духом переводимого произведения, так как в его предисловии подчеркиваются как раз те черты, которые впоследствии были или замечены, или лишь вскользь отмечались русскими критиками. Он подчеркивает необыкновенный психологизм повествования романа: «В продолжение этой неравной борьбы (между Калебом и Фольклендом. – И.М.) Годвин умеет удивительным образом раскрыть человеческую душу» [2. С. 2]. Обращает внимание на необыкновенные характеры и обрисовку их чувств: «Его Калеб, Фалькленд и некоторые другие, не будучи столько обыкновенными, чтобы их можно было встретить в обществе каждодневно, не столько и необыкновенны, чтобы движения души их не были знакомы каждому человеку» [2. С. 3]. Указывает на сочувственное изображение автором своих персонажей: «Обыкновенная сатира смеется над ними, а Годвин, со слезами на глазах, с терзающими душу воплями, указывает в них не смешную сторону, а недостатки, гибельные для счастья людей» [2. С. 3–4]. По сути, переводчик интуитивно выделяет те особенности произведения, которые станут характерными для жанра социально-криминального романа. Своим предисловием он подготовил рецепцию нового иноязычного сочинения на русской почве.

Отзывы на роман не замедлили себя ждать. В том же 1838 г. появляются рецензии на переводное произведение в таких разнообразных по своему идеологическому направлению периодических изданиях, как «Современник», «Сын Отечества», «Библиотека для чтения», «Русский инвалид. Литературные прибавления», «Северная пчела». Авторами этих статей были такие яркие представители русской критической мысли, как П.А. Плетнев, Н.А. Полевой, Ф.В. Булгарин. Чуть позже, в 1839 г. была напечатана еще одна заметка о недавно изданном романе в «Московском наблюдателе», автором которой был В.Г. Белинский.

Одним из первых откликнулся на публикацию иностранного произведения «Современник» [4. С. 104] статьей П.А. Плетнева, где роману дается довольно высокая оценка: «Самого замечательного достоинства сочинение» [4. С. 104]. Однако Плетневу не все понятно в «Калебе Вильямсе», он приписывает своеобразие произведения прежде всего его национальной принадлежности: «Годвин, как и многие из англичан, не без странностей, не без крайностей и пристрастия» [4. С. 104], не объясняя при этом, что конкретно показалось ему странным. Думается, что здесь речь может идти о просветительских тенденциях, имеющих в романе, остававшимися чуждыми русским читателям 1830-х гг. Эти тенденции и по сей день вызывают неоднозначную оценку произведения со стороны исследователей: «затянутое» повествование со множеством отступлений и рассуждений героев, «алогичный» конец романа, необоснованные образы основных персонажей. Возможно, данные особенности и вызвали некоторое непонимание эстетики английского романа.

Тем не менее Плетнев отмечает и ряд достоинств произведения: «...он (Годвин. – *И.М.*) электризует читателя, возбуждает деятельность его собственного духа – и тем способствует развитию мыслящей его стороны» [4. С. 104]. Рецензенту оказываются близки и понятны проблемы, поднятые в произведении, на основе которых возможно обдумать и вопросы, актуальные для русской действительности. Подчеркивается национальная специфика «Калеба Вильямса» и его польза для русского читателя в образовательном плане: «При том же он любопытен и частностью своих картин. Обрисовывая сцены английского общества и господствовавшие в его время мнения, он обогащает вас существенно» [4. С. 104].

Особое внимание уделяется в рецензии «Современника» жанру романа, а именно: «Оно (сочинение У. Годвина. – *И.М.*), привлекая читателей формою романа, вводит их в область философии, морали и политики одного из тех людей, которые, сильно чувствуя и беспрестанно напрягая душевные свои силы, ни о чем не говорят без вдохновения и убеждения» [4. С. 104]. Критик обращает внимание на «форму» произведения – социально-криминальный роман, которая позволила поставить Годвину острые социальные, философские и политические проблемы.

При этом критик дает положительную оценку переводу романа: «Если бы многочисленные переводчики наши так обрабатывали избираемые ими предметы трудов и так счастливо бы выискивали самые занятия, как это сделал переводчик Годвинова сочинения, – литература наша выиграла бы много с каждым новым переводом» [4 С. 104], считая, таким образом, что переводчику удалось передать все художественное своеобразие иноязычного произведения.

Более глубоко, но схожую по ряду аспектов рецензию на роман «Калед Вильямс» дал журнал «Сын отечества» [5. С. 68–69]. Хотя статья была опубликована анонимно, М.П. Алексеев утверждает, что ее автором был Н.А. Полевой. Полевой, как известно, стоял на либерально-демократических позициях, боролся за культурный подъем в России. В литературе он отстаивал идеи романтизма, выступал за демократизацию

литературных достижений, за национальную самобытность русской словесности. Год публикации данной статьи приходится на период, когда Полевой после закрытия своего журнала «Московский телеграф» вынужден был сотрудничать в изданиях Греча и Булгарина, хотя и в это время, как утверждают исследователи, «Полевой как критик и беллетрист оставался верен романтизму» [6. С. 56].

В заметке Полевого анализируется не только само произведение, но и описывается история его создания, политическая ситуация в Англии во время его создания, а также факты биографии и идеологические взгляды Годвина, повлиявшие на идею романа: «Бывши пастором, одаренный сильным умом, добрым сердцем, желая всем добра, он со всеми перессорился, сделался писателем, книгопродавцем, политическим памфлетистом, женился на славной писательнице Вольф-стопкрафт, поссорился с нею, то бросал перо свое, то опять принимался за него и умер в старости, раскаиваясь и в том, что писал, и в том, что делал» [5. С. 68]. Таким образом, рецензент видит причину противоречивости «Калеба Вильямса» во взглядах и жизненных обстоятельствах его автора. Так же, как Плетнев, Полевой отмечает неординарность и своеобразие творчества Годвина: «Годвин был странное явление в английской литературе» [5. С. 68]. Сам жанр сочинения также видится автору статьи неоднозначным: «...собственно это не роман, а ряд блестящих парадоксов, облеченных в форму романического повествования» [5. С. 68], т.е. форма повествования «Калеба» оказалась чужда и непонятна русскому критику.

Главные герои романа представляются рецензенту как воплощение мировоззрения автора: «Годвин, столь жестоко споривший потом с Мальтусом об его системе, по которой умножение народонаселения, как утверждал Мальтус, надобно считать злом, а не благом, если этому народонаселению есть нечего, Годвин хотел показать в Калебе ужасное злоупотребление слов и идей, как видим иногда в самом образованном обществе, вследствие ложного понятия о чести и слепой уверенности в общественное мнение, перед которым исчезают всякое суждение, ум, невинность и истина» [5. С. 68]. Рецензент понимает философскую подоплеку произведения, однако считает, что автору не удалось продемонстрировать свои идеи из-за взятого за основу повествования слишком частного случая: «Но частная истина, не рассмотренная вполне, всегда останется парадоксом, если не чистым софизмом» [5. С. 68].

Отдельно Полевой отмечает захватывающее повествование романа: «...ум и красноречие автора Калеба таковы, что невольно увлекаетесь и задумываетесь над странностью и судьбы человека, и общественных наших отношений» [5. С. 68].

Характерно, что в статье также дается оценка русского перевода романа, отмечается его тяжеловесность и буквализм: «Жалею, что он (переводчик. – *И.М.*) не позаботился придать более живости и разговорчивости своему переводу» [5. С. 68].

В целом Н.А. Полевой смог разглядеть в анализируемом произведении глубокий философский смысл и обусловленность сочинения процессами, происходившими в Англии в конце XVIII в. Как справедливо заме-

чает В.А. Недзвецкий, «Полевой существенно расширил и обогатил два основных источника любой критической системы – литературный и философско-эстетический» [7. С. 42]. Тем не менее ему остались непонятны жанр и характеры романа, что возможно объяснить приверженностью критика романтическим принципам и отсутствием подобных жанровых форм в русской литературной традиции первой половины XIX в.

Журнал «Библиотека для чтения» всегда активно реагировал на появление литературных новинок на книжном рынке. Не остался он и в стороне от дискуссии по поводу романа «Калеб Вильямс» [8. С. 17–18]. В основные задачи этого издания, возглавляемого О.И. Сенковским, как известно, входила популяризация литературных новинок, как отечественных, так и зарубежных, среди весьма широкого (включая провинциального) круга читателей. По наблюдениям исследователей, «критический отдел журнала отличался фельетонным стилем, который исключал необходимость глубокого анализа содержания и художественных достоинств произведений. Взяв на себя эту функцию, Сенковский стремился позабавить читателя веселыми остротами, насмешками по поводу отдельных эпизодов или языка рецензируемых произведений и т.п.» [9. С. 247]. В подобном стиле написана и статья о романе «Калеб Вильямс», рассматривая который рецензент «Библиотеки для чтения» не пытается объяснить философский смысл или идейное содержание представляемого произведения. Основное, на что направлено его внимание, – эмоции, вызываемые у читателя данным сочинением: «Это сострадание, это участие, эта теплая слеза, которых Годвин так мучительно и тщетно добивался у людей, люди отдали их не ему, а лицам, действующим в его “Калебе”» [8. С. 18].

Социальные и философские проблемы, поднятые в английском романе, автор статьи преподносит как отражение сложной судьбы автора: «Глубокий и задумчивый взгляд Годвина на эту жизнь, на это человечество, которое так безжалостно его огорчало, безжалостность, с какою он разоблачает несправедливости человечества и случая, страшные обстоятельства, в которые он поставляет действующие лица своей драмы, лица, очерченные рукою искусною, сильною, твердою, все это невольно увлекает читателя, мучит его, не дает ему ни на минуту отдохнуть» [8. С. 18]. Рецензент «Библиотеки...» признает мастерство и захватывающий сюжет «Калеба Вильямса», что, несомненно, должно привлечь массового читателя.

В свете современных ему традиций критик высказывает свое отношение и к переводу романа: «Нельзя не похвалить переводчика за старание его познакомить русскую публику с таким замечательным творением, и хотя можно упрекнуть язык его перевода в некоторых легких неправильностях, читатели однако ж будут ему благодарны, что он доставил им возможность прочитать книгу, которая, несмотря на свою знаменитость европейской словесности, более сорока лет оставалась им неизвестною» [8. С. 18]. Автор статьи считает задачу переводчика выполненной, несмотря на «легкие неправильности», и главная цель перевода – познакомить русскоязычного читателя с достижениями зарубежной литературы – достигнута.

Приблизительно в том же ключе дает рецензию на английский роман Ф.В. Булгарин в «Северной пчеле» [10. С. 951]. По мнению О.О. Миловановой, «критические суждения “Северной пчелы” сводились, как правило, к поверхностному пересказу произведения, цитированию из него отдельных отрывков и придирчивым замечаниям по поводу его языка» [6. С. 61]. Не стала исключением и статья о романе «Калеб Вильямс», в которой автор делает акцент на развлекательность и захватывающий сюжет: «Происшествия бездна, а притом и философствования, мудрствования <...> книга читается ловко, и занимательность вас увлекает» [10. С. 951]. При этом довольно точно определяется основная идея произведения: «В этой книге вы увидите, какие беды бывают от превратных понятий о чести и от жертвования мнению общества истинами и обязанностями честного человека» [10. С. 951]. В качестве достоинств романа отмечается то, что он представляет «живой очерк общества XVIII века, с его мнениями», а также «нравственная цель книги» [10. С. 951].

Своей рецензией Булгарин вступает в обсуждение качества перевода романа: «Язык правилен, грамматика в целости, но слог немножко тяжеловат от непривычки заниматься изящною литературою. Видно, что он (переводчик. – И.М.) из ученых. Нет разговорной легкости» [10. С. 951]. Очевидно, что вопросы перевода интересовали русских критиков и литераторов самых разных идеологических направлений.

Несколько в ином свете представляется «Калеб Вильямс» на страницах «Русского инвалида» в заметке, вышедшей с том же 1838 г. [11. С. 894]. Рецензируемое произведение, несмотря на все перечисленные в статье достоинства, с точки зрения критика, безнадежно устарело и не актуально для русского литературного процесса: «Но мы живем в таком веке: нам нужно психологически верное развитие страстей сильных, ежедневных; нужно действие живое, выходящее из круга обыкновенных происшествий и принадлежащее не к быту, в котором проводим мы каждый день, но изнеженное из мира другого, высшего, идеального, возможного» [11. С. 894]. Очевидно, что рецензент придерживался романтического направления при подходе к анализу иноязычного произведения, оставаясь в стороне от формирующейся в эти годы «натуральной» школы, в центре внимания которой как раз были быт и повседневность.

Саму идею произведения рецензент «Русского инвалида» представляет в несколько упрощенном и обедненном виде: «Главною мыслью Годвина было – представить борьбу человека невинного с предвзвешенными, с честолюбивым и сильным врагом», не заметив в романе глубокого обличительного общественного пафоса и сложных философских концепций.

Вместе с тем автор статьи рассматривает художественные особенности «Калеба Вильямса», отмечая его достоинства и недостатки: «В этом романе очень верно, по свидетельству самих англичан, изображены нравы некоторых классов английского общества» [11. С. 894]. Хотя, как мы выяснили выше, нравоописательность не являлась критерием современного произведения, с точки зрения рецензента «Русского инвалида». Он замечает относительную типичность изображаемых

в произведении характеров: «Действующие лица этого романа, не совсем обыкновенные, встречаются однако ж в обществе и принадлежат не только Англии, но всей Европе» [11. С. 894], что также не импонирует приверженцу «высшего» и «идеального» в литературе.

Все это он объясняет не только «отсталостью» романа от современных потребностей русской словесности («при всем этом роман Годвина едва ли может произвести такое впечатление на читателей, какое производят новейшие сочинения в этом роде» [11. С. 894]), но и несвоевременностью и неадекватностью русского перевода: «При том же сочинение Годвина, несмотря на свои красоты и другие достоинства, написано слогом давно устарелым и чрезвычайно натянутым, которому переводчик почел долгом подражать слепо. Из этого вышел перевод, который по языку и старше самого оригинала, и чрезвычайно утомителен» [11. С. 894].

Еще более резкую оценку дал В.Г. Белинский в статье, опубликованной в 1839 г. в журнале «Московский наблюдатель» [12. С. 25]. Критик не видит в английском романе эстетической основы: «В романе художественности и не бывало, вещь он сделанная, и, надо сказать правду, сделанная мастерски, если бы не два ужасных недостатка – убийственная растянутость и самый английский, т.е. самый несносный, морализм» [12. С. 25]. Белинскому претит заранее спланированный Годвином сюжет романа для того, чтобы произведение могло служить выражением взглядов писателя.

При этом критик тщательно анализирует сюжетостроение и систему характеров романа («Участие читателя разделено между двумя лицами Г. Фальклендом и Виллиамсом Калемом» [12. С. 25]). В частности, он справедливо подметил характерную черту главного героя романа – любопытство: «Калем служит у него (Фолькланда. – *И.М.*) чем-то вроде секретаря; замечает в нем ужасные странности, как будто муки раскаяния, и, влекомый какою-то непреодолимою враждебною силою, употребляет все усилия своего ума проникнуть в роковую тайну» [12. С. 25]. Именно это стремление станет потом неотъемлемой чертой всех литературных образов сыщиков как в английской, так и в зарубежной литературе.

Кроме того, Белинскому близок и понятен образ отрицательного героя Тиррела: «Хорошо также очерчен характер Тирреля, врага Фалькланда» [12. С. 25]. Повидимому, критику импонирует его конкретность и рельефность на фоне остальных героев романа, схожесть с отрицательными персонажами романтических произведений.

В целом Белинский отдает должное таланту Годвина: «В самом деле, в этом сочинении есть мысль, и многое выражено в нем и резко, и сильно, сколько это может быть в сделанном, а не созданном произведении» [12. С. 25]. К переводчику у критика на этот раз только одна претензия: «Если бы переводчик из четырех частей сделал две, сократив длинноты и выпустив моральные сентенции, – то сказка была бы славная» [12. С. 25].

Таким образом, Белинский высказывается не против сокращения произведения при переводе ради сохранения увлекательности и захватывающего повествования. Хотя в данном случае критик противоречит сам себе,

так как в указанной выше статье о «Гамлете» Шекспира в переводе Н. Полевого он утверждал: «В художественном переводе не допускается ни выпусков, ни прибавок, ни изменений. Если в произведении есть недостатки – и их должно передать верно» [3. С. 427]. Однако следует учитывать, что отзыв на «Калеба Вильямса» и его перевод был дан Белинским в 1839 г. – творческий этап, определяемый исследователями как «период “примирения с действительностью”». Это время напряженных и драматичных философско-эстетических раздумий, во многом плодотворных ошибок, результатом которых стало усвоение гегелевской диалектики и выход из “примирения”» [6. С. 82]. Возможно, этим сложным для творчества критика периодом и объясняется противоречивость его подходов к вопросам разработки переводческих принципов.

Интересно, что больше всего критика отталкивала «сделанность», спланированность произведения заранее, а не создание его в творческом вдохновении. Однако именно эти черты будут привлекательны двадцать лет спустя другому русскому критику – Н.Г. Чернышевскому.

Таким образом, сам перевод романа «Калем Вильямс» возбудил неподдельный интерес к произведению, вызвал полемику и неоднозначные оценки. Критиков интересовала как идеологическая основа сочинения, так и его структура, персонажи, сюжетные линии. Тем не менее английский роман остался до конца не понятым и воспринимался как устарелый и неактуальный для современного читателя конца 1830-х гг. в силу его принадлежности к другой литературной эпохе, создания другим литературным методом. Очевидно, что помимо особенностей самого произведения большое внимание уделялось вопросам перевода на страницах русской периодической печати конца 1830-х гг. По сути, роман Годвина оказался той художественной мастерской, где литераторы решали вопросы о допустимости инициативы переводчика, его ответственности за донесение художественных ценностей произведения до широких читательских масс.

На уровне непосредственного воздействия на русский литературный процесс можно упомянуть тот факт, что экземпляр «Калеба Вильямса» хранился в Пушкинской библиотеке села Тригорское на французском языке, и, как утверждает М.П. Алексеев, «очень вероятно, что Пушкин мог вспомнить этот роман, когда работал над “Дубровским”, при изображении суда и провинциальной администрации, всецело подчиненных произволу богатого земледельца, а также при описании разбойничьей шайки» [1. С. 200]. Такое предположение, несомненно, требует проведения дополнительных исследований.

В последующие два десятилетия в русской периодической печати не встречаются какие-либо упоминания о Годвине и его романе «Калем Вильямс», что говорит об отсутствии потребности в «идеологическом импорте» (по выражению В.М. Жирмунского) в русской литературе и культуре. Хотя и в этот период интерес к творчеству английского писателя оставался. Об этом свидетельствует, в частности, письмо ссыльного декабриста А.Ф. Бриггена к В.А. Жуковскому, в котором он просит прислать ему книги, которые хотел бы

перевести, и среди них упоминает роман Годвина: «Я давно думал приняться за перевод какого-нибудь легкого сочинения, даже романа, и имел в виду Обермана Сенанкура, графа Ксавие-де-Местера, или же Калеба Вильяма Годвина, которого я знаю только по слухам, и о коем отзываются как о произведении гениальном» [13. С. 196].

О романе вспомнили на другом этапе развития русской словесности – в 1860-е гг., когда в России начал формироваться жанр социально-криминального романа под влиянием его английской и французской моделей, когда тема преступления и наказания, униженных и отверженных стала актуальна для русского литературного процесса. Причем в данный период интерес к рассматриваемой жанровой модификации несколько изменился: о романе практически ничего не говорили в печати, однако его воздействие происходило на другом, более высоком уровне – в творчестве русских писателей. В этом контексте можно назвать, прежде всего, имена Ф.М. Достоевского и Н.Г. Чернышевского.

В частности, Р.Г. Назиров указывает на ряд типологических сходжений в романах Достоевского «Преступление и наказание» и Годвина «Калек Вильямс»: мотив преследования, идеологическое обоснование преступниками своего поступка, упоминание газетной заметки о совершении преступления и т.д. [14]. Список параллелей романа Достоевского и «Калеба Вильямса» можно продолжить: это мотив безумия, преследующего преступников (и Фолькланда, и Раскольников) после преступления, это описания психологического состояния совершившего преступление, для которых жизнь резко делится на до и после рокового события. Указанные сходжения еще раз подтверждают тезис Назирова о том, что хотя «русский романист не оставил упоминаний о Годвине, тем не менее между его художественным миром и лучшим романом Годвина «Вещи как они есть, или Приключения Калеба Вильямса» (1795) существуют определенные связи» [14. С. 94].

Еще более осязаемое влияние оказало творчество Годвина на другого русского писателя и критика – Н.Г. Чернышевского. Типологические параллели его романа «Что делать?» и романа английского писателя были прослежены М.И. Вайсман в статье «“Что делать” Н.Г. Чернышевского и “Калек Вильямс” У. Годвина: типологические параллели» [15]. Несмотря на спорность некоторых суждений в данном исследовании, несомненно, что Чернышевский открыто ориентировался на Годвина. Этот факт подтверждается множеством высказываний писателя по поводу романа «Калек Вильямс» и философско-эстетической позиции английского автора, встречающихся в различных статьях и произведениях Чернышевского.

Еще в самом начале своей литературной деятельности в магистерской диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности» Чернышевский изложил свое отношение к изображению преступления в художественном произведении как проявления трагического начала. Проблему преступления критик рассматривал сквозь призму категории трагического, как ее понимали еще со времен Античности, т.е. в связи с категорией судьбы, надличной силы, ее соотношения с волей человека, с его представлениями о добре и зле:

«Что касается до наказания посредством стечения обстоятельств, то мы уже давно подсмеиваемся над старинными романами, в которых “всегда под конец торжествовала добродетель и наказывался порок”. Правда, мы могли бы не забывать при этом, что и в наше время пишутся подобные романы (в пример укажем на большую часть диккенсовых). Но мы во всяком случае начинаем понимать, что земля не место суда, а место жизни. Однако романистам и эстетикам все-таки непременно хочется, чтобы порок и преступление наказывались на земле. И вот явилась теория, утверждающая, что они всегда наказываются общественным мнением и угрызениями совести. Но и это бывает не всегда. Что касается до общественного мнения, то оно преследует далеко не все нравственные преступления. А если голос общества не пробуждает ежеминутно нашей совести, то в самой большей части случаев она и не проснется в нас, или, проснувшись, очень скоро заснет» [16. С. 37]. Чернышевский скептически относится к распространенному на тот момент пониманию проблемы наказания, которое, по мнению большинства литераторов, приходило не только извне, но и изнутри человека, по природе своей наделенного совестью.

Тем не менее проблемы преступления и наказания, поднятые Годвином в романе «Калек Вильямс», были актуальны для Чернышевского. То, как решает их английский писатель, близко русскому литератору. Особенно это подчеркивается самим Чернышевским в его предисловии к «Повестям в повести», где он пишет: «Один из моих любимейших писателей – старик Годвин. У него не было такого таланта, как у Бульвера. Перед романами Диккенса, Жоржа Занда, – из стариков – Филдинга, Руссо, романы Годвина бледны. То люди не чета нашим Тургеневым и Гончаровым. Но бледные перед произведениями, каких нет ни у одного у нас, романы Годвина неизмеримо поэтичнее романов Бульвера, которые все-таки много лучше наших Обломовых и т.п.» [17. С. 682].

Критик противопоставляет творчество У. Годвина творчеству другого английского романиста, Э. Бульвера-Литтона, явно отдавая предпочтение первому, который оказался близким Чернышевскому по мировоззрению. Очевидно, что Годвин, акцентируя в своем романе интерес к социальным проблемам, реалистично изображая жизнь низших слоев, возбуждает симпатии русского критика именно с силу своей социальной направленности. В произведениях подобного рода, по мнению Чернышевского, может полностью отсутствовать любовная история, и такой подход является только плюсом при создании социального романа: «Я хотел идти по такой карьере, как Годвин. Чтобы испытать свои силы, Годвин выдумал написать роман без любви. Это замечательный роман. Он читается с таким интересом, как самые роскошные произведения Жоржа Занда. Это “Калек Вильямс”» [17. С. 683].

Этот факт подтверждается и влиянием романа «Калек Вильямс» на повествовательные стратегии романа «Что делать?», где, по наблюдению М.И. Вайсман, «любовная линия, на которой строится повествование в “Что делать?”, отходит на второй план по сравнению с важностью идеологической интерпретации поступков, совершаемых героями, пока разворачивается адюльтерная интрига» [15. С. 108].

Показательно, что Чернышевский относится к написанию литературного произведения как к ремеслу, требующему большой отдачи, но при этом все же которое не требует обязательного таланта и вдохновения: «Я пишу романы, как тот мастеровой бьет камни на шоссе; для денег исполняет работу, требуемую общественной пользой» [17. С. 682]. То есть писатель положительно относится к тщательному планированию и заданности произведения, как это было в случае с «Калемом Вильямсом», которого автор планировал и создавал с конца, определяя основную идею сочинения.

Проанализировав материал по восприятию романа Годвина «Калем Вильямс» в России, можно сделать некоторые выводы. В русском литературном процессе наблюдалось два пика интереса к творчеству английского писателя, но каждый из этих этапов отличался своеобразием и определялся потребностями русской

словесности. Если в конце 1830-х гг. внимание критики фокусировалось на сюжетостроении, проблематике и характерологии романа (при этом остались до конца непонятыми некоторые его художественные элементы), то в 1860-х гг. наблюдается более осознанное и непосредственное восприятие английского произведения, проявившееся в его критическом осмыслении и влиянии на творчество русских писателей (таких, как Ф.М. Достоевский и Н.Г. Чернышевский), воспринявших и интерпретировавших в своих сочинениях идеи и методы, разработанные Годвином в «Калеме Вильямсе». Иными словами, на первом этапе рецепции творчества Годвина рассматриваемый роман не столь сильно интересовал русскую критику в жанровом аспекте, хотя внимание к сюжету, проблематике и характерам произведения уже предвещало интерес к роману именно в связи с его жанровыми особенностями на более поздних этапах развития русской литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев М.П. Вильям Годвин // Алексеев М.П. Английская литература: Очерки и исследования. Л. : Наука, 1991. С. 199–205.
2. С.Г. От переводчика // Годвин В. Калем Вильямс. СПб. : Тип. А. Смирдина, 1838. С. I–IV.
3. Беллинский В.Г. Гамлет, принц датский. Драматическое представление. Соч. Виллиама Шекспира / пер. с англ. Николая Полевого // И.Г. Белинский. Полное собр. соч. М., 1953. Т. 2. С. 424–436.
4. Калем Виллиамс. Сочинение Годвина. Перевод с английского. Четыре части // Современник. Т. 12. С. 104.
5. Калем Виллиамс, сочинение Годвина. Пер. с английского. Четыре части. СПб. В тип. А. Смирдина, 1838 г. // Сын отечества. Т. 5. С. 68–69.
6. Милованова О.О. Литературная критика 1830-х годов // История русской литературной критики : учеб. пособие / В.В. Прозоров, Е.Г. Елина, Е.Е. Захаров и др. ; под ред. В.В. Прозорова. 2-е изд., испр. и доп. М. : Академия, 2009. 432 с.
7. Недзвецкий В.А. Русская литературная критика XVIII–XIX веков : курс лекций. М. : МГУ, 1994. 182 с.
8. Калем Виллиамс. Сочинение В. Годвина. Перевел с английского С.Г. СПб., в тип. А. Смирдина. 1838 // Библиотека для чтения. Т. 31. С. 17–18.
9. История русской журналистики XVIII–XIX века : учеб. / Л.П. Громова, М.М. Ковалева, А.И. Станько, Ю.В. Стенник и др. ; под ред. Л.П. Громовой. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2005. 600 с.
10. Б.Ф. Калем Виллиамс. Сочинение В. Годвина. Перевел с английского С.Г. СПб., в тип. А. Смирдина. 1838 года, 4 части // Северная пчела. 1838. № 238 (21 окт.). С. 951.
11. Калем Виллиамс. Сочинение В. Годвина. Перевод с английского С.Г. Четыре части. СПб., в тип. Александра Смирдина. 1838 // Русский инвалид. Литературные прибавления. 1838. № 45. С. 894.
12. Беллинский В.Г. Калем Виллиамс. Сочинение В. Годвина. Перевел с английского С.Г. СПб., в тип. Смирдина, 1838 // Московский наблюдатель. 1839. Ч. 2, № 3, отд. 4. С. 25.
13. Бычков И.А. Письма к В.А. Жуковскому разных лиц // Русская старина. 1903. Октябрь. С. 185–203.
14. Назиров Р.Г. Достоевский и роман У. Годвина // Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет : сб. статей. Уфа : РИО БашГУ, 2005. С. 94–102.
15. Вайсман М.И. «Что делать?» Н.Г. Чернышевского и «Калем Вильямс» У. Годвина: типологические параллели // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 5 (11). С. 104–110.
16. Чернышевский Н.Г. Эстетические отношения искусства к действительности. М. : Худ. лит., 1955. 223 с.
17. Чернышевский Н.Г. Предисловие к «Повестям в повести» // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений : в 15 т. М. : Гос. изд-во худ. лит-ры, 1949. Т. 12. С. 681–685.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 23 мая 2012 г.